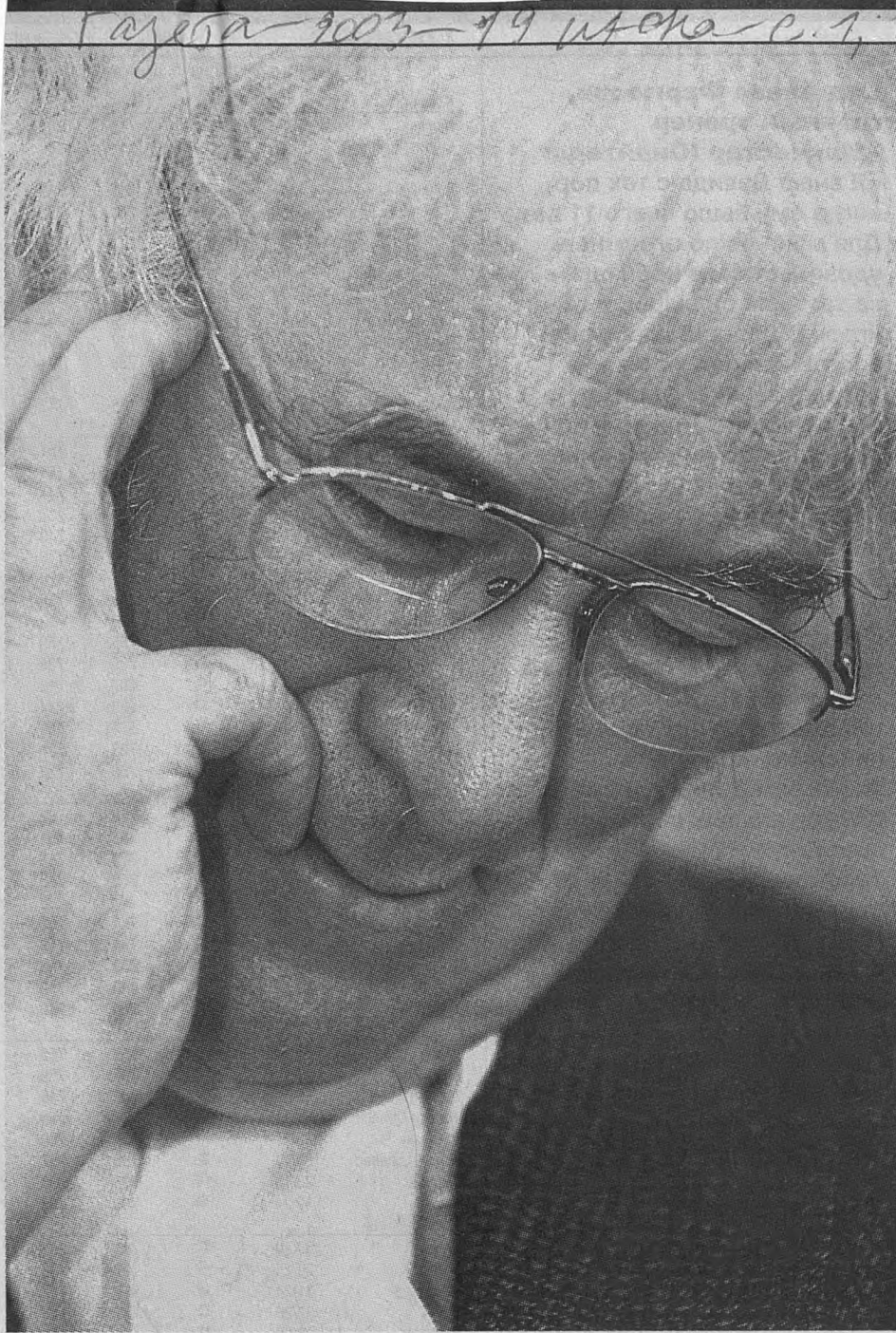

радостен сам по себе. Поэзия делает вещи радостными. Я уверен, что поэзия — это радость.

Вы считаете это чувство радости языка, удовольствия от владения им присущим поэзии органически?

Я не думаю, что поэзия — это обязательно выражение радости, но, конечно, без этого смакования языка поэзия была бы крайне скучна. Я думаю, даже печальные стихи, стихи на горестные темы тем не менее доставляют вам удовольствие. Я помню, как после смерти моей матери я писал стихи. Бродский в этом смысле тоже очень хороший пример того, как утрата превращается в стихотворение.

Как вы думаете, вы так хорошо понимали друг друга — Бродский, вы и Дерек Уолкотт, — потому что вы все были из «другого мира», между вами и этой жизнью была дистанция?

Да, я говорил как-то в одном английском интервью. Уолкотт с его «черным», карибским опытом, вынесенным из британских колоний, Иосиф с его опытом одиночества, с его отстраненной иронией и я, тоже часть меньшинства, — мы все вышли из второго класса, мы знали, что такое вид не с вершины, но с подножия, со дна. И еще мы все разделяли старомодное отношение к поэзии и это особое чувство веселья, нет, ни в коем случае не цинизма, но подозрения по отношению ко всему, что есть «поп».

В лекциях, которые вы читали в Оксфорде, и в своих эссе вы тоже старались говорить о таких поэтах, поэтах с «другим» опытом — национальным, сексуальным...

Да, да, Джон Клиали, Хьюмэн Демидж из Шотландии, Оскар Уайльд в тюрьме...

Вы думаете, что для поэта так лучше, когда у него есть этот «другой» опыт? Опыт отчужденности?

Да. Я не знаю. Я уверен, что никто не имеет права говорить: «поэт должен» или «поэту лучше». Я думаю, что есть определенное чувство одиночества в душе, которое вовсе не означает боль. Это позитивные чувства — одиночество и рефлексия, и эти чувства, я думаю, возникают очень рано. Когда вы пытаетесь вспомнить свое начало, вы обычно вспоминаете это чувство одиночества и еще — чувство красоты.

Фотограф: Михаил Разуваев / Газета

“мне трудно говорить о Бродском в прошедшем времени” Шеймус Хини — Газете

Окончание.
Начало на странице 01

Конечно, он был одарен с самого начала, но еще он всю жизнь утверждал эту свою природу. Я помню, как он говорил, «единственная защита от зла — это оригинальность». И я тоже так думаю. Я не могу сказать, почему Иосиф не вернулся, притом что у него была, конечно, поразительная любовь к России. Я уверен, что он очень скучал по своим родителям и хотел вернуться. Но это была перемена жизни, перемена языка, к тому же он был уже совсем взрослым человеком, когда уехал. Сколько ему было? Тридцать два, да?

Вы часто виделись?

Я видел Бродского, когда бывал в Америке. Мы не могли видеться каждый день, но мы определенно были друзьями. Ведь друзья остаются таковыми независимо от того, где они живут. Я думаю, у него было на удивление много друзей. Прежде всего, русская община в Нью-Йорке, еще много друзей в Италии, в Англии, очень разные люди, например Исайя Берлин. Бродский был удивительным в этом смысле, всегда тратил на собеседника больше, чем необходимо.

Практически вся ирландская литература написана не на ирландском языке. Вот и вы, крупнейший поэт Ирландии, только переводите с ирландского, а пишете по-английски. И тем не менее есть ли что-то, что отличает ирландскую литературу, или, если хотите, литературу, созданную ирландцами?

Я думаю, что в Ирландии сложилась ситуация, очень похожая на русскую или польскую. У нас в XIX—XX веках в свете романтически-националистических настроений поэты считали выразителем национальной памяти, выразителем патриотизма. Фигуре поэта традиционно придавалось очень большое значение. Я думаю, основная драма ирландской литературы в том, как тот или иной писатель относится к предназначению поэта. Кто-то восставал против этого, кто-то принимал это. В XIX веке вся ирландская поэзия создавалась на английском языке. Кто-то должен был вернуть нам старые ценности ирландской культуры. И в XX веке великий ирландский поэт Йетс в значительной степени принял на себя эту миссию «барда». Это была не просто националистическая пропаганда, он действительно считал, что нужно создавать культуру страны. Возьмем двух великих ирландских писателей XX века — Джойса и Йетса. Йетс, когда писал от первого лица, часто использовал множественное число — «мы», а Джойс только единственное — «я». Йетс написал стихи, посвященные памяти лидеров восстания XIX века, в которых дух Ирландии появляется в образе женщины. Его самые последние стихи были адресованы будущим ирландским поэтам, он говорит там, что в будущем мы все, несомненно, останемся ирландцами. Джойс же в «Портрете художника в юности» от лица молодого поэта Стивена Дедала говорит: «Я отказываюсь служить тому, во что я больше не верю — моей стране, моей церкви и моему королевству. Я говорю только от имени себя самого...» Джойс антиклерикален, и на первый взгляд кажется, что в нем гораздо больше от новой европейской экспериментальной литературы, нежели от каких-то ирландских традиций.

Что происходит с ирландской литературой сейчас?

Я думаю, что в Ирландии каждый поэт в той или иной мере чувствует себя ответственным. Говоря об ответственности, я имею в виду «ответ» поэта реальности. В Англии люди забыли слово «ответственность». Что касается меня и моего поколе-

Шеймус Хини: «Я и мое поколение поэтов были рождены в отравленном иронией обществе» Фотограф: Михаил Разуваев / Газета

ния поэтов, мы были рождены в отравленном иронией обществе. Каждый чувствовал, что должен как-то очистить существующую систему. И это было возможно только в одном случае — если каждый попытается говорить правду. Никто из нас не пытался учить своих сограждан, но у нас было такое чувство, что от твоей собственной честности что-то зависит.

В своих лекциях и эссе вы всегда подчеркиваете, что поэту лучше хранить дистанцию между поэзией и политической, социальной жизнью. Откуда это противоречие?

Я твердо верю, что поэзия имеет влияние не только на индивидуальную жизнь и культуру, но и на жизнь общества. Но при этом, я также думаю, что в тот момент, когда поэзия признает эту свою общественную роль, она теряет что-то очень важное, становится банальной. Я не хочу мистифицировать роль поэта, его призвание, но я твердо верю, что слово «поэт» — архаическое слово, это одно из немногих оставшихся неоскверненных слов. И верю, что, хотя он так или иначе влияет на свое время, ответствен за него, он должен всегда сознавать дистанцию между творчеством и позицией гражданина. В конце концов, если я начну просто писать о политике, это будет никому не интересно. Хотя в таких странах, как Северная Ирландия и, я подозреваю, Советский Союз, где существуют разные уровни правды и где в то же время поэзия обладает особой властью, поэт часто идет против власти. Возьмем Мандельштама, который написал стихи против Сталина, или «Реквием» Ахматовой. Но все же это не фундаментальное свойство поэзии — говорить о политике. Поэзия — высокочувствительный инструмент, чтобы его использовать таким образом. Если вас интересует политический дискурс, не обязательно тогда заниматься поэзией, можно идти в масс-медиа, делать выпуски новостей. Хотя, конечно, есть такие поэты, как Неруда, Брехт, Маяковский. Революционные моменты — они особенные, тогда поэзия может черпать энергию в политике. Тогда политика тоже может быть страстью, гнев ведь тоже эмоция. Но в целом политика — это не мой предмет и не предмет Иосифа. Помните длинное стихотворение Бродского «Горбунов и Горчаков»? Это технически экстраординарное произведение. Его изначальная эмоция негативна, но в итоге мы получаем радость. Это стихотворение о подавленных людях, находящихся в гнетущей ситуации, но что с этим делает Бродский! Его ответ на эти депрессивные обстоятельства

Вы когда-нибудь обсуждали с Бродским Нобелевскую премию?

Нет. После того как он получил премию, я написал о нем статью в The New York Times. Это было в декабре 1987-го. Воскресный номер The New York Times. Там было написано, что Иосиф — самый прекрасный человек из всех, написано так, как будто его только что похоронили... Я думаю, Бродский просто принял премию как должное.

А вы? Вы тоже приняли ее как должное?

Нет, совсем нет. Это был октябрь 1995-го. Я только раз видел Иосифа после получения премии. Это было за две недели до его смерти, в Нью-Йорке. Мы пошли обедать, он был болен, это тогда знали все, но он делал все так, что мы этого не замечали. Мы пошли в ресторан, и он стал курить. Он был полон жизненной силы. Вообще мне трудно говорить о Бродском в прошедшем времени... Вы помните, он говорил о Ахматовой в интервью Соломону Волкову, что ее интонация превращала собеседника в homo sapiens?

Да.

Вот и влияние Бродского на его друзей и на поэтическую культуру, двуязычную культуру, заметьте, было чем-то вроде этого. И еще он воспринял традицию английской литературы, которую он получил от Роберта Фроста, это ясное внимание, уважение ко всему. Его терпение, равнодушие было удивительным...

Россия — это не только страна вашего друга, но еще и страна великой литературной традиции. Как для вас соотносятся эта литературная традиция и то, что вы здесь увидели?

Русская литература имеет важное значение для всего мира. В Ирландии мы особенно любим Чехова. Чехова и Достоевского. Я перечитал «Преступление и наказание» перед поездкой, чтобы ощутить чувство города. Но этот город, эта река и эти здания, Адмиралтейство... Я не ожидал, что все это на самом деле так... Конечно, я читал много акмеистов, Мандельштама и Ахматову, хотя ее очень трудно переводить.

Здесь, в Петербурге, вы читали свои стихи по-английски без перевода. Вы не верите в переводы?

Нет, конечно, верю. Без переводов я не смог бы читать русскую или, например, польскую поэзию. И Иосиф, он тоже одарил нас своими переводами из русской и польской поэзии, это его великий дар миру, за что я тоже преклоняю перед ним колени.